

Александр Иванович Матюшенский

**Половой рынок и половые
отношения**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А46

А46 **Александр Иванович Матюшенский**
Половой рынок и половые отношения / Александр Иванович Матюшенский – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2025. – 131 с.

ISBN 978-5-519-66940-5

«Половой рынок и половые отношения» — Александр Иванович Матюшенский

Публицистико-социологическая работа, посвящённая анализу интимных отношений через призму общественных и экономических условий. Автор рассматривает брак, любовь и сексуальность как часть социального «рынка», где действуют интересы, неравенство и моральные нормы эпохи, стремясь объяснить, как общественное устройство влияет на личную жизнь человека.

ISBN 978-5-519-66940-5

© Lennex Corp, 2025
© Александр Иванович Матюшенский, 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Дѣти.

Съ тѣхъ поръ прошло три года, а эти двѣ фигуры и сейчасъ стоятъ предъ моими глазами.

Я ихъ встрѣтилъ совершенно случайно, или, вѣрнѣе, не встрѣтилъ, а почти наступилъ на нихъ въ ихъ болѣе чѣмъ странномъ жилищѣ.

Я жилъ тогда въ одномъ приморскомъ городѣ.

Мнѣ нужно было лодку, чтобы прокатиться по морю. Была зима, но погода стояла такая чудная, луна такъ заманчиво разсыпала по волнамъ серебряныя блески, что я какъ-то невольно съ набережной направился къ одной изъ пристаней, гдѣ обыкновенно стояли лодочники-персы съ своими лодками. Лодки были тутъ, но ни одного лодочника не было.

— Лодочникъ! — крикнулъ я и стукнулъ о край пристани палкой.

Палка вырвалась у меня изъ рукъ и полетѣла подъ пристань, на откосъ берега. Палку мнѣ не хотѣлось терять, и я по берегу сталъ спускаться къ водѣ. Подъ пристанью было совершенно темно, я полѣзъ въ карманъ за спичками, а самъ осторожно подвигался впередъ. Какъ вдругъ подъ ногой я почувствовалъ что то мягкое — живое и въ то же время услышалъ молодой еще совсѣмъ мальчишескій голосъ:

— Что ты на людей то лѣзешь!

Я зажегъ спичку и отступилъ на шагъ.

Предо мной была куча тряпья, грязнаго, закопченнаго, изъ котораго сверкали четыре глаза.

— Кого тебѣ? — проговорило тряпье.

— Какъ, кого?

— Ну, ее или меня нужно?

Я ничего не понималъ, но затѣмъ понялъ, — это были: дѣвочка и мальчикъ, занимающіеся проституціей. Ему было тринадцать, ей двѣнадцать лѣтъ. Здѣсь они жили, здѣсь же и принимали своихъ посѣтителей, или гостей, какъ называли они ихъ.

— Мы думали ты къ намъ идешь, — разочарованно проговорилъ мальчикъ послѣ нѣкоторыхъ весьма откровенныхъ поясненій.

— Но какъ же вы тутъ живете? Вѣдь холодно.

— А гдѣ же намъ жить? — отвѣтилъ мальчикъ вопросомъ же.

— Развѣ у васъ нѣтъ никого родныхъ?

— Нѣтъ.

— И давно вы тутъ?

— Всегда.

— Какъ, всегда?

— Такъ и всегда! — съ досадой повторилъ мальчикъ.

Дѣвочка все время молчала, хотя не спускала съ меня глазъ.

Тутъ наше мѣсто, — пояснилъ, минутою спустя, мой собесѣдникъ. — Подъ другими пристанями другіе, а тутъ — мы съ Дунькой.

— А она тебѣ какъ приходится?

На это мальчикъ отвѣтилъ грубой сальностью, изъ которой можно было понять, что дѣвочка его любовница. Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ съ ними я узналъ, что они жили на общій заработокъ, при чемъ кассой завѣдывалъ мальчикъ, онъ же производилъ и всѣ расходы.

— И много вы зарабатываете? — спросилъ я.

— Сколько придется.

— Вчера мнѣ одинъ баринъ полтинникъ далъ, — отозвалась дѣвочка. Она, повидимому, гордилась такимъ „большимъ“ заработкомъ.

— А къ вамъ и господа ходятъ?

— А то нѣтъ! — обидчиво отозвалась дѣвочка.

Я не сталъ спрашивать, что за господа пользуются этими несчастными; меня больше интересовали ихъ взаимныя отношенія; мнѣ хотѣлось узнать, какъ этотъ сынъ улицы относится къ своей подругѣ, какъ къ супругѣ и какъ къ товарищу по работѣ. Я желалъ поэтому продлить бесѣду, а, между тѣмъ, мнѣ было не по себѣ въ этомъ темномъ мѣстѣ, подъ настилкой пристани, гдѣ, можетъ быть, еще за часъ до этого совершалось надруганіе надъ дѣтскимъ тѣломъ.

— А вѣдь они, вѣроятно, голодны? — Кстати пришла мнѣ въ голову мысль, и я рѣшилъ пригласить ихъ куда-нибудь поужинать.

— А гдѣ вы ужинаете? спросилъ я ихъ.

Они сначала меня не поняли, повидимому, понятіе „ужинъ“, какъ нѣчто обязательное, ежедневно повторяющееся, имъ было неизвѣстно. Они просто ѣли, когда къ тому была возможность, но совершенно не понимали возможности установленія времени для ѣды. Это было внѣ условій ихъ жизни. Аппетитъ у нихъ былъ всегда, въ теченіе 24-хъ часовъ въ сутки, и если есть ѣда, то они ѣли во всякое время съ удовольствіемъ, хотя бы десять разъ въ сутки. Но дѣйствительность въ этомъ отношеніи ихъ не баловала и далеко не сообразовалась съ ихъ аппетитомъ: насыщаться имъ приходилась часто вдвое и даже втрое сутокъ разъ. За то бывали дни, когда они ѣли по шести разъ и даже болѣе.

Вотъ почему мой вопросъ объ ужинѣ вызвалъ

вмѣстѣ и улыбку и недоумѣніе на лицахъ моихъ собесѣдниковъ.

— Что смѣтаетесь? Я спрашиваю, гдѣ вы ѣдите?

— Гм! гдѣ мы ѣдимъ, Дунька! — насмѣшливо проговорилъ мальчикъ и толкнулъ свою подругу локтемъ.

Дунька хихикнула и уткнула свой носъ въ бывшее на ней тряпье.

— Ну, если бы вы сейчасъ захотѣли ѣсть, куда бы вы пошли?

Захотѣли! — иронически проговорилъ мальчикъ. — Мы ужъ давно хотимъ, да вотъ тутъ-то пусто. И онъ хлопнулъ себя по карману.

— Ну, а если бы у васъ были деньги?

— Откуда имъ быть?

— Да вотъ я вамъ сейчасъ дамъ денегъ, — куда вы пойдете?

— Смотря сколько дашь. Если пятакъ, то въ лавочку, купимъ хлѣба и поѣдимъ.

А если больше, если рубль?

— Ну, рубль то ты не дашь! — скептически протянулъ мальчикъ.

Я вынулъ рубль и бросилъ мальчику въ колѣни.

— Вотъ тебѣ рубль, пойдете, покажите мнѣ, гдѣ вы ѣдите.

— Ты взаправду? — удивился мальчикъ, не дотрагиваясь до блестящаго въ темнотѣ рубля.

— Конечно.

Но ему все еще не вѣрилось, что такъ, ни съ того, ни съ сего, ему даютъ рубль.

Дѣвочка толкнула его подъ бокъ и что-то шепнула ему на ухо. Онъ какъ то особенно взглянулъ на меня, взялъ рубль и, вставая на ноги, проговорилъ:

— Ну, пойдемъ.

— А мнѣ идти? — робко спросила дѣвочка, обращаясь ко мнѣ.

— Конечно, иди, вѣдь ты тоже хочешь ѣсть.

— Мало ли что? Можетъ быть, ты не хочешь, чтобы я была тамъ—всякіе вѣдь бываютъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, непременно пойдёмъ!—поспѣшилъ я заявить, испугавшись перспективы явиться вдвоемъ съ мальчикомъ въ такое мѣсто, гдѣ его профессія, очевидно, всѣмъ и каждому была известна.

— Что-жъ, пойдёмъ, Дунька, бываютъ вѣдь и такіе. Помнишь прошлогодняго капитана?

Для меня эти слова остались непонятными, но потомъ я понялъ ихъ значеніе.

Мы пошли по набережной, они шли впередъ, я за ними. Черезъ десять минутъ они привели меня въ грязный трактиръ, въ полуподвальномъ этажѣ.

Въ трактирѣ было нѣсколько маленькихъ отдѣльныхъ клѣтушекъ, въ одну изъ которыхъ насъ и провелъ мальчикъ прислуживавшій гостямъ.

Въ общей залѣ трактира было нѣсколько посѣтителей, очевидно, завсѣгдатаевъ, они какъ-то особенно посмотрѣли на меня, когда я проходилъ со своими спутниками въ отдѣльный „кабинетъ“. А одинъ даже кивнулъ на меня головой и проговорилъ что то въ родѣ: „ого“!

— Ну, что же вы будете ѣсть?—спросилъ я.

— Все равно, что закажете, — отозвался мальчикъ.

Я велѣлъ подать двѣ порціи шашлыка.

— Да ты смотри—порцій-то побольше!—крикнулъ мальчикъ вслѣдъ уходившему прислужнику.

А развѣ тутъ большія и маленькія порціи бываютъ?—спросилъ я.

— А то! Имъ смотри въ зубы-то, такъ они сейчасъ нагрѣются!

— Часто вы тутъ ѣдите?

— Больше все съ „гостями“, а такъ, одни, не ходимъ.

— А когда въ послѣдній разъ ѣли?

— Вчера въ полдень.

Было уже около десяти часовъ вечера, значить дѣти не ѣли около 35 часовъ. Принявъ это въ соображеніе, я рѣшилъ, что двухъ порцій шашлыка имъ будетъ мало и велѣлъ сварить еще шесть яицъ и подать десятокъ раковъ.

— И пива подай!—дополнилъ мои распоряженія мальчикъ.

— Пива не надо,—сказалъ я.

— Ну вотъ, лучше раковъ не надо,—что въ нихъ!

— Но развѣ ты пьешь пиво?

— А-то!

— А она?

Она-то? Она небось и водку пьетъ. Намъ нельзя не пить, у насъ работа такая. Не станешь пить, такъ тебя и не возьметъ никто.

— А давно вы занимаетесь этой работой?

— Дунька недавно, съ прошлаго года. а я уже третій годъ.

Я смотрѣлъ на нихъ и никакъ не могъ примириться съ дѣйствительностью. Она и теперь была худенькая, слабенькая, изможденная, малорослая,— что же было годъ назадъ? — Задавалъ я себѣ вопросъ. И кто тотъ звѣрь, который посягнулъ на нее?

Но „звѣрь“, оказывается, сидѣлъ предо мной,— это онъ, ея настоящій сожитель и товарищъ по ремеслу совратилъ ее и изъ дѣвочки-нищей превратилъ въ дѣвочку-проститутку.

Первый разъ они встрѣтились предыдущей зимой подъ той же пристанью, гдѣ нашелъ ихъ я. Онъ уже жилъ тамъ и раньше, а она пришла туда за неимѣніемъ другого ночлега. Было холодно, и на нихъ были лохмотья лѣтняго платья, и они согрѣвались другъ около друга. Но не это было причиной паденія Дуньки; они еще были настолько молоды, что совмѣстный ночлегъ не возбуждалъ

ихъ инстинктовъ. Даже и теперь, годъ спустя, она говорить о своей „работѣ“, какъ о довольно чувствительномъ мученіи. А тогда она съ ужасомъ думала объ этомъ. Но обстоятельства были таковы, что пришлось покориться. Какъ разъ настали холодные дни, публики было мало на улицахъ, и Дунька возвращалась подъ пристань съ пустыми руками.

— Никто не подавалъ.

У Егорки—такъ звали мальчика,—тоже не было заработка, и дѣти голодали по три дня къ ряду.

А тутъ къ Дунькѣ одинъ лодочникъ сталъ приставать,—разсказывалъ Егоръ,—три рубля сулилъ. Я говорю „соглашайся дура!“ а она боится, какъ только увидить его, такъ бѣжать. Пробовалъ я ее и бить—ничего не помогаетъ: „лучше, говорить, убей!“

Чтобы уменьшить этотъ безотчетный страхъ предъ неизвѣстнымъ, Егорка при первомъ же заработкѣ напоилъ свою подругу водкой... На это подвинулъ его собственный опытъ...

Такова исторія паденія этихъ двухъ обездоленныхъ безпріютныхъ дѣтей. Все происходило чрезвычайно просто и вмѣстѣ съ тѣмъ производило ужасное впечатлѣніе. Кто-то, когда-то ихъ родилъ и чуть не послѣ рожденія выбросилъ на улицу.

— Моя мать въ больницѣ умерла, — говоритъ Дунька,—а тетка меня выгнала, сказала: „ступай въ пріютъ! Кормить, что ли я тебя буду“.

Она и пошла, но пріюта, конечно, не нашла, такъ какъ ей тогда было лѣтъ 6—7. Улица приняла ее и кормила, а также и давала ей ночлегъ подъ пристанью, подъ брусьями, на лѣсныхъ пристаняхъ и вообще во всякомъ темномъ, защищенномъ отъ вѣтра углу.

— Подавали сначала хорошо, каждый день больше гривенника набиралось, вспоминаетъ она.

И если бы она не выросла, а такъ и оставалась шестилѣтней крошкой, улица, вѣроятно, про-

должала бы отпускать ей ежедневно по гривеннику. Но она по неумолимому закону природы росла, туго, но все-же росла, и это-то ее и погубило. Въ 11 лѣтъ улица нашла, что она уже можетъ зарабатывать свой хлѣбъ, и перестала отпускать гривенники. На ея судьбѣ, какъ въ зеркалѣ отразилось буржуазное міросозерцаніе, въ которомъ дѣтскій трудъ представляетъ изъ себя то Эльдorado, къ которому стремится всякій владѣлецъ орудій труда.

— Дѣти должны работать, ихъ трудъ самый выгодный, а не работающая 11-ти лѣтняя дѣвочка является прямымъ убыткомъ для „общества“.

Вотъ что молчаливо отвѣтила Дунькѣ улица, когда она протягивала руку за подаянiемъ.

И вотъ она работаетъ! Теперь она не сидитъ на шеѣ общества, она живетъ своимъ „трудомъ“!

Исторія Егорки точная копія съ исторіи его подруги, съ тою только разницей, что онъ совсѣмъ не помнитъ своихъ родителей. Матерью его всегда была улица, поступила она съ нимъ такъ-же, какъ и съ Дунькой, и къ тому и другому приложена была одна и та же мѣрка. До одиннадцати лѣтъ кое какъ кормился подаянiемъ, а на двѣнадцатомъ году принужденъ былъ согласиться на предложеніе „лодочника“. Разница была еще въ томъ, что *его* „лодочникъ“ заплатилъ ему не три рубля, а всего рубль, хотя это былъ богатый человекъ, домовладѣлецъ, гласный думы. Этотъ господинъ, очевидно, лучше зналъ рыночную цѣну дѣтскаго тѣла, чѣмъ лодочникъ, о трехъ рубляхъ котораго дѣти сами говорятъ, какъ о суммѣ, далеко превышающей цѣнность оказанной услуги.

Три рубля для нихъ цѣлое богатство, они даже боялись, что ихъ ограбятъ и прятались отъ всѣхъ. Имъ казалось, что всѣ только и думаютъ объ ихъ „богатствѣ“.

Егоркинъ первый „гость“ въ качествѣ привыч-

наго цѣнителя труда, конечно, зналъ это и вознаградилъ его рублемъ. Но Егорка не обижается на него, онъ находитъ, что все это въ порядкѣ вещей.

Вѣдь онъ не одинъ занимается этой „работой“ и всѣмъ такъ-же платятъ. Егорка боленъ, его заразили, но и на это онъ не обижается и это находитъ онъ въ порядкѣ вещей.

Его удивляетъ скорѣе обратное: человѣческое отношеніе къ нему посторонняго лица, безкорыстное желаніе помочь, войти въ его положеніе. Это ему непонятно, къ этому онъ не привыкъ и это не укладывается въ его головѣ. Такъ, онъ никакъ не могъ примириться съ тѣмъ, что ни онъ, ни Дунька не нужны мнѣ, и что все наше знакомство ограничится однимъ ужиномъ.

Напротивъ, онъ думалъ, что мнѣ нужны одновременно и онъ и его подруга,—иначе зачѣмъ я ихъ кормлю обоихъ, а не одного котораго нибудь.

Именно это онъ имѣлъ въ виду тамъ подъ пристанью, когда сказалъ:

— „Пойдемъ, Дунька, бываютъ вѣдь и такіе!“

„Помнишь прошлогодняго капитана?“

„Прошлогодній капитанъ“ именно надругался надъ ними обоими вмѣстѣ, при самой отвратительной обстановкѣ.

И какъ я не увѣрялъ ихъ, что ничего подобнаго не желаю, они не вѣрили, это видно было по ихъ глазамъ, по ихъ переглядыванію между собой. Повѣрили и то съ трудомъ только, когда я распростился съ ними у дверей притона.

— Вы вправду уходите?

— Конечно, а ты все не вѣришь?

— Нѣтъ, зачѣмъ не вѣрить... пойдемъ, Дунька, всякіе господа-то бываютъ!

И они скрылись въ темнотѣ.

Дѣти и общественная совѣсть.

Съ тѣхъ поръ прошло три года, а стоитъ только мнѣ закрыть глаза, какъ обѣ дѣтскія фигурки вырастаютъ предо мной въ той обстановкѣ, въ какой я провелъ съ ними около двухъ часовъ.

Егорка сидитъ, опершись локтями на столъ, и говоритъ:

— Гости все больше подѣ пристанью у насъ бывають: когда къ ней приходятъ, я отойду немного и жду, а когда ко мнѣ придетъ кто, она отойдетъ... А потомъ идемъ въ лавку покупать хлѣбъ...

Какой горькій хлѣбъ достается имъ въ жизни!

Тогда этотъ мальчикъ въ роли проститута былъ для меня въ новинку, я какъ житель внутреннихъ губерній Россіи, не предполагалъ ничего подобнаго, поэтому такъ и поразила меня эта злополучная пара. Теперь я знаю, что дѣтская проституція въ средѣ обоихъ половъ — обычное явленіе не въ одномъ только этомъ городѣ. И къ стыду моему, долженъ сознаться, что меня это больше не поражаетъ. Я негодовалъ на общество, что оно равнодушно смотритъ на такое отвратительное явленіе, а теперь самъ слился съ этимъ обществомъ и такъ-же равнодушно смотрю на эту гнусность, какъ и оно. Таково вліяніе постоянно находящагося передъ глазами факта—въ концѣ концовъ онъ по-